

ДУШАН ДУШЕК

Душистый день
после долгого
дождя

Dušan Dušek
DEN PO DLHOM DAŽDI
BÝVA VONAVÝ
Mladé Letá 1984

Д 4804010100—225 455—89
M101(03)—90

ISBN 5—08—000504—1

© Dušan Dušek, 1984
Illustrations © Alexej Vojtašek, 1984

© Пересказ на русский язык.
Юзеф Пресняков, 1990

ДУШАН ДУШЕК

Душистый день
после дождя

Рассказ

Пересказал со словацкого
ЮЗЕФ ПРЕСНЯКОВ

Рисовал
АЛЕКСЕЙ ВОЙТАШЕК

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1990

Аделка просыпалась трижды — и всё время была ночь со вторника на среду, и все три раза она боялась. Вокруг неё спала тьма. Аделка говорила себе: я сплю — и пусть всё спит и видит хорошие сны.

Но спало не всё.

За окном забегал ветер, листья деревьев стали перешёптываться с ним, а потом Аделка услышала дождь, который пришёл, как мокрый гость, и осторожно постучался к ней в окно. Аделка говорила себе: если бы дождь пошёл днём, я увидела бы нитки воды, как они летят с высоты, как они без иголок прошивают воздух и делают в нём дырки.

Она вслушивалась в темноту.

Мокрые листья временами позванивали и напоминали Аделке напуганных воробьёв, когда они учатся летать, пугаются — и не чирикают, а плачут тоненькими голосами.

И уличный фонарь не спал — он спит днём, когда на улице светло. А теперь там темно. Только в углу окна пляшет тень ветки, похожая на большую сову. Сова летит к Аделке — а вдруг она её съест?

Аделка спряталась под пуховое одеяльце и закрыла глаза, чтобы под веками стало ещё темнее. И чтобы набраться храбрости, она начала говорить про себя: если я буду лежать тихо, сова меня не найдёт и улетит в сад, где её ждёт ночь, а про меня она забудет, одеяльце меня защитит.

Она всегда спала под пуховым одеяльцем и верила, что в нём прячутся три клубочка тепла: один в ногах, а ещё два — по обе стороны её ночной рубашки. Эти клубочки грели её и всегда приятно пахли.

На дворе каникулы, а холодно.
Дожди идут уже целую неделю.

Часы

Но под одеяльцем было тепло. Хорошо, что оно есть у Аделки.

И тут Аделка услышала, как в глубине дома бьют часы. И вспомнила, как она их боялась, потому что они всегда всё видели.

Бывало, Аделка натворит что-нибудь и успокаивает себя: никто меня не видел, никто на меня не наябедничает, и ничего мне не будет. И жалела сломанный лист фиалки, такой хрупкий — она только прошла мимо него, а он уже отломился и выпал из цветочного горшка. Но никто ведь меня не видел, лист я спрячу и никому не скажу; может, я его засушу — а потом спрячу в книгу.

И тут начали бить часы.

Аделка вздрогнула, посмотрела на большой циферблат, и ей вдруг показалось, что часы всё знают. Они видели. И как только папа с мамой вернутся, часы всё им расскажут. Их тиканье превратится в шёпот, папа или мама приложат ухо к циферблату и всё узнают. Она спрятала руки с листком фиалки за спину. Ей почудилось, что часы говорят не «тик-так», а «так-так», всё знаем, всё скажем!

Долго она боялась, что мама сделает ей замечание или хотя бы погрозит пальцем. Но ничего такого не случилось.

Часы не наябедничали.

А когда и через две недели мама не заметила, что у фиалки недостаёт одного листка, Аделка снова стала ходить в комнату,

где висели часы. Она садилась к окну, закрывала глаза и слушала, как они тикают. Может, они так с мухами разговаривали. Наконец своим тик-таканьем они напомнили Аделке любопытных цыплят, тех самых, которых курица высидела весной из белых яичек. А когда часы звонили, они нравились Аделке ещё больше, это был второй их голос, такой звучный и красивый. Поэтому часы берегли его и говорили этим голосом только один раз в час.

Аделка представляла себе, что она в высокой башне, а над головой у неё не часы бьют, а громко звонят колокола, сообщая всем людям, что наступил полдень, время обеда.

Она побежала в кухню, а там её уже дожидались стол со стулом, на столе — тарелка с ложкой, а в тарелке — суп.

Брат

У плиты стояла мама и звала её обедать.

В волосах у мамы была фиолетовая лента. Иногда лента была синяя. Или зелёная.

Поверх платья мама надевала фартук, а под ним спал маленький брат Аделки, которого все ждали: папа, мама, и Аделка тоже. Иногда он спал под фартуком, иногда только под платьем, а иногда не спал, а осторожно шевелился. Папа или Аделка клали руки на мамин живот и прислушивались, как он там готовился выйти на свет. И Аделка ждала его. А иногда мамины руки спали на фартуке, а мама глядела через окно в сад и нежно улыбалась. Аделка сидела рядом, ела суп и чувствовала себя отлично. На дне тарелки она нашла маленькую варёную луковицу, похожую на фарфоровое сердечко, которую никто, кроме Аделки, не ел. Она говорила себе: не буду звякать ложкой, чтобы мама не заметила, что у меня тарелка пустая; пусть лучше улыбается, так мне больше нравится.

Кино

Всё это Аделка вспоминала в ночь со вторника на среду. Вспоминала про долгие дни и долгие дожди, дорожки в саду, блестящие от дождя, раду, которая однажды вечером появилась над трубой их дома. Солнце было жёлтое, как тыква. А потом опять полил дождь.

Дождь лил, лил — и вдруг перестал. В ту самую ночь со вторника на среду, когда Аделка просыпалась три раза.

Она давно уже высунулась из-под одеяла и поэтому слышала капли воды. Но теперь они уже не шумели. Они падали поодиночке, с крыши и с деревьев, тихо-тихо, потому что ветер тоже пошёл спать.

Аделка спрашивала себя: что это меня разбудило, плач или стон? Или просто дождь?

А потом она решила: посмотрю-ка я кино.

Сны были её самыми любимыми фильмами — и к тому же бесплатными. Некоторые она видела уже два-три раза. Ей снился сон про суп, который кричал из кастрюли, что его недосолили. Или про две смеющихся щеки. Или про сладкий лимон. Про косу из кукурузных волос. А однажды — про лужу под забором, в которой воробьи устроили купальню: они скакали в воду, делая сальто и шальные прыжки вниз головой.

Двери в кино закрылись за ней, и стало темно. Она заранее радовалась сну — и совсем неясно вдалеке послышался ещё один мамин стон и папины шаги.

А может, это ей только послышалось.

Может, это был только сон.

Аделка вспоминает, как она окончила первый класс. В последний день она пошла в школу без портфеля — только с букетом и белым конвертом. А возвращалась домой уже без букета, но зато в конверте был табель с букетом пятёрок.

Прежде чем показать табель маме, Аделка остановилась перед домом, чтобы проверить, на месте ли её пятёрки.

Она достала табель из конверта, но тут пошёл дождь, и одна из крупных капель шлёпнулась в табель. Аделка быстро сложила его и вбежала в дверь. Она сердилась на дождь, который чуть было не размазал её отличные отметки. Но они не размазались: капля обошла пятёрки и высохла в углу табеля. На другой день Аделка искала её, но не могла найти. Только в самом углу она нащупала подушечками пальцев маленькую вмятинку на бумаге, совсем маленькую, — стоило ли на неё сердиться? Теперь у Аделки был табель с букетом пятёрок и с каплей дождя.

Но капель становилось всё больше, дождь лил не переставая.

Потом Аделка играла в комнате, на балконе и всё ещё сердилась, но не на дождь и его длинные нити, а на себя — за то, что всего боится. Она говорила себе: вот и дождь кончится, и выглянет солнце, а я так и не перестану бояться.

И это её сердило.

Сколько раз она говорила себе: не боюсь, не боюсь, не буду бояться! А потом увидела метёлку из петушиных перьев, самую обыкновенную метёлку, которой смахивают пыль, и сразу стала бояться, что это голова с перьями, которая только и ждёт, чтобы Аделка прошла мимо. Тогда из перьев высунется острый клюв и клонет её в ногу.

А однажды Аделка испугалась муравьёв. Она стояла и обирала с куста красную смородину, а под кустом была маленькая дырочка в земле. Муравьи хотели забраться к ней в сандали. Может, она им мешала. Из дырки вылезали муравьи и бежали к Аделке, а она ходила на цыпочках и старалась их обойти. Но муравьёв было столько, что даже две Аделки не смогли бы уберечься от них. Она испуганно заморгала глазами, а потом и вовсе убежала.

А как она боялась сливового повидла!

В кладовке было только одно маленькое окошко, поэтому там целый день был вечер. Горшок с повидлом стоял на полке в самом углу, туда Аделка вообще не любила заглядывать. И ни за что она не полезла бы ложкой в горшок, чтобы зачерпнуть густого повидла, чёрного, как сажа. Аделке казалось, что повидло засосёт её руку вместе с ложкой. Там, где так темно, всё может случиться — вдруг в горшке не повидло, а смола, к которой всё прилипает?

Точно так же она боялась печи, в которой так таинственно потрескивало — правда, только зимой, но Аделка знала, что в печке живут огненные гномики, которые ждут не дождутся дров, чтобы поджечь их и съесть огонь. Дети этих гномиков жили в спичках, поэтому она боялась их тоже. И всегда, когда папа или мама зажигали в печке огонь, там появлялся ещё один гномик, он выскакивал из спички и навсегда оставался в печи — там было их королевство.

Ещё Аделка боялась собственных шагов вечером в пустынных комнатах, куда папа или мама посылали её за чем-нибудь.

И ещё боялась ножниц, которые только и ждали, чтобы отстричь ей волосы. И ещё много чего боялась.

Смородина

Мама одолжила у соседей соковыжималку, чтобы заготовить на зиму смородиновый сок. Пока эта машинка лежала на столе и дожидалась отца, Аделка ни капельки её не боялась. Выжималка, похожая на мясорубку, была чуть побольше мельнички для мака и для орехов, но намного тяжелее. И даже потом, когда отец привинтил выжималку к столу и спросил маму, хватит ли им сахара, Аделка не боялась её. Но когда отец подставил под выжималку небольшую миску для сока, а рядом с ней тарелку для кожуры и зёрнышек, вот тогда Аделка испугалась.

Отец набрал пригоршню красной смородины, высыпал её в раструб выжималки и начал жать сок. Аделка смотрела, как он пальцами одной руки приминает смородину, а другой рукой быстро вращает ручку,— и вот уже на дно миски упали первые капли густого красного сока.

Аделка испугалась, что отец смолот свои пальцы.

У неё перехватило дыхание.

Но отец рассмеялся, снял руку с выжималки и набрал новую пригоршню смородины.

Аделке полегчало, но только немножко, самую капельку. Отец продолжал свою работу. В миске прибывало соку, а в тарелке росла горка зёрнышек и сухой кожуры. Ничего страшного не произошло, но Аделка облегчённо вздохнула только тогда, когда

смородина кончилась. Отец только посмеивался, а мама тем временем процедила сок и дала ему отстояться. Потом приготовили сахар. Отец разобрал и сполоснул выжималку, и Аделка увидела, что она не зря боялась, потому что в машинке пряталась острая спираль — это она молола всё, что ей давали.

Через час-другой сироп был готов.

Отец включил свет на кухне, а мама высыпала сахарный песок из бумажных пакетов прямо в смородиновый сок. Пока отец мыл бутылки, мама перемешивала сок деревянной ложкой. К тому времени, как стемнело, сахар растворился. Аделка прислушивалась: сперва сахар поскрипывал в кастрюле, но потом покорились ложке, скрипел всё тише и наконец совсем перестал. Сироп был готов. Отец с мамой через воронку разливали его по бутылкам, а мама ставила бутылки на кухонный стол.

Потом Аделке дали попробовать.

На дне кастрюли оставалось немного сиропу, который не вошёл в бутылки. Отец достал три стакана и разбавил в них сироп минеральной водой. Глядя на родителей, Аделка для начала понюхала, а потом отпила его первой. И чем больше она пила, тем вкуснее он ей казался. Ароматная смесь сока с минеральной водой шекотала нос, и в этом аромате было ровно столько же вкуса смородины, сколько сахарной сладости, — ровно пополам. Такого вкусного сока она ещё не пила.

Аделка ещё раз посмотрела на выжималку и очень обрадовалась, потому что теперь она нисколько её не боялась.

Открытие

Она подумала: какая я была глупая, но теперь я буду умнее, ведь без этой выжималки у нас бы не было такого вкусного сока.

И Аделка стала размышлять.

Она попросила маму сделать ей ещё стакан сока, ушла в комнату и уселась на огромный диван. В рамке дверей Аделка видела, как отец носит бутылки в кладовую. А за порогом лежал треуголь-

ник света, который послала ей кухонная лампа, чтобы она не боялась в темноте.

Аделка пила и думала: наверное, каждый страх можно превратить во что-нибудь хорошее — и тогда он не испугает меня, а обрадует, нужно только постараться немножко.

Вот и страх перед выжималкой превратился в сладкий смородиновый сок.

Перышки

Аделка сидела, потягивала сок и размышляла.

«Во что бы мне превратить петушиные перья, зелёный и коричневый блеск метёлки, в которой меня подстерегает клюв и куриные зубы? Можно превратить их в пушистый цветок. А может, в метёлке и нет никакого клюва, может, в ней живёт такой же клубок тепла, как у меня в пуховом одеяльце, или даже целых два клубка».

Она быстро закрыла глаза, чтобы представить это себе.

Все пёрышки на свете такие тёплые и лёгкие, а какого они цвета — не важно, главное — в каждом есть птичье тепло, они греют петуха и кур, и белых гусей тоже.

И меня греют.

И ещё как греют!

А когда птицы их обронят, как славно летят эти перья, как плавно падают с высоты! Вокруг ясный день, ветер веет, а солнце превращает их в огоньки — ах, как славно они летают!

И я с ними!

Аделка вознеслась и полетела на отцовских руках в свою комнату — она и не заметила, как заснула. В ямочках на щеках остались ещё смешинки, и ей было весело; она ещё не совсем спала. Аделка радовалась, что утром проснётся, про всё вспомнит и уже ничего не будет бояться — страхи кончились.

И так оно и было.

В метёлке из перьев спало такое же тепло, как у неё в волосах, когда зимой у неё зябли руки и она прятала их в волосы, чтобы согреться.

И не было там никакого клюва.

И никаких зубов.

Только немного пыли на перьях, ведь это была метёлка — и утром на балконе Аделка вытряхнула из неё пыль, чтобы перья ярче блестели.

Снова собирался дождь.

Все ждали хорошей погоды, но больше всех — Аделка; первые её каникулы превратились в один сплошной дождь. Иногда ей казалось, что дождь уже выбился из сил, тучи выцвели и посветлели, но почему-то из них лило ещё сильнее. Через неделю всё должно было измениться. Тучи обещали уйти — это Аделка услышала по радио, — и дождь действительно перестал. Это случилось в ту самую ночь со вторника на среду, когда она трижды просыпалась и каждый раз боялась.

Было тихо, только вдали шумела речка,— может, это она разбудила Аделку?

«Что это будит меня? Ещё никогда я столько раз не просыпалась за ночь; может, уже утро, но тогда под веками у меня было бы светло — а там сейчас темно».

Вдруг ей показалось, что она поняла, отчего проснулась: кто-то хлопнул дверью, кто-то ушёл из дома — отец или мама, или, может, оба.

«Ах, какая же я глупая, опять боюсь, а ещё говорила себе, что этого никогда больше не будет! Я же знаю, что меня никогда не оставляют дома одну. Даже днём. А не то что ночью».

Но заснула она только тогда, когда нашептала себе в подушку: «Никто никуда не ушёл. Все спят. И ты спи!»

Сейчас

И всё же они ушли.

Аделка проснулась в третий раз. Это уже начинало сердить её: если бы один раз или два, а тут она снова проснулась — и опять кругом темно. Она сказала себе: «Я спала только секунду или две, и сон ещё не успел прийти ко мне». Но потом ей показалось, что она спала дольше, потому что за окном и занавесками посветлело и уличный фонарь уже готовился ко сну.

Ночь — это большая чёрная птица, утром она улетает, а вечером возвращается.

Потихоньку светало. Вторник ушёл ночью, а вместо него пришла среда.

Аделка встала с постели, погладила одеяльце, чтобы в нём осталось тепло, и отправилась к маме. Сейчас она шмыгнёт к ней в постель, притулится и закроет глаза. И будет спать. Или будет просто лежать и улыбаться в темноте, за маминой спиной будет дышать отец, а вместе с ним будет дышать его одеяло. А утром она опять проснётся.

Всё будет так, как бывало всегда.

Но на этот раз...

В спальне она нашла только пустые и холодные постели. Аделка не хотела верить своим рукам, когда они коснулись

подушки, а не длинных маминых волос, которые Аделка иногда расчёсывала ей перед сном. Аделка торопливо включила ночник. И теперь уже не поверила своим глазам, потому что постели в самом деле были пусты.

Аделка закричала:

— Мапочка!

В доме было тихо.

А потом опять пробили часы.

Четыре или пять?

Аделка села на постель и хотела снова закричать, но вместо этого у неё только подбородок затрясся.

Все силы покинули её, в глазах сразу отсырело, а во рту пересохло. Аделка говорила себе: «Ушли, а меня бросили — ночью! Ну вот теперь я обязательно буду бояться».

И она в самом деле боялась — и ещё как! Если бы Аделка сложила все свои прежние страхи в один, всё равно он был бы меньше того страха, который сидел теперь во всех уголках дома, готовясь запугать её и съесть. И к тому же Аделка сама не знала, чего же она боится, просто боялась, потому что осталась одна, — и это было хуже всего. Такой страх невозможно было превратить во что-нибудь. «Что же со мною будет, что я буду делать одна?» — думала Аделка. Но потом она устыдилась, что думает только о себе и забывает про папу с мамой, ей ведь нужно и за них бояться, хотя она никогда не забудет, как они с ней поступили. Кто знает, что с ними и где они сейчас?

Аделка начала беспокоиться и о них и сразу заметила, что чем больше о них беспокоится, тем меньше боится за себя.

А когда Аделка не смогла больше выдержать на одном месте, она встала с маминой постели, оставив на подушке темнеющую лужицу своих слёз, как будто дождь лил не только на дворе, но и в спальне, и потихоньку побрела на кухню.

Аделка везде повключала свет и везде немножко боялась — в маленькой комнате побольше, а в больших поменьше. Но в кладовку не заходила.

На кухне Аделка развела в стакане смородиновый сок минеральной водой, под села к столу и вдруг улыбнулась, так что ямочки появились на щеках. Она подумала: вместо слёз, которые я выплакала, напьюсь-ка я смородинового сока, и мне будет легче. Аделка подобрала под себя ноги и вся уместилась на стуле — такая она ещё была маленькая и такая одинокая, что снова хоть плачь.

Но потом она сказала себе: пусть я маленькая, но когда на меня светит лампа, на стене появляется большая тень — это тоже я, но уже большая, а большие ведь не плачут.

Мама

Из крана капала вода и звенела точно так же, как звенел дождь по листьям деревьев, когда Аделка проснулась ночью и услышала тихие стоны. Тут она опять вспомнила мамины вздохи и подумала: «Бояться нужно не только за маму, но и за маленького брата, которого все так ждут. Ах, я ведь совсем про него забыла! Разве так можно? Нужно было прислушиваться получше и вылезть из постели, как только хлопнула дверь! Маме можно было бы помочь, повздыхать вместе с ней — и маме сразу стало бы легче».

Аделка положила руки на стол, а на них положила голову: вот только отдохнёт немного и дождётся, когда совсем рассветёт. Но спать она не будет, ни за что не заснёт, ведь так она хотя бы знает, что происходит вокруг неё.

Она дождётся утра. Дождь уже перестал. И свет ей поможет. Больше плакать она не будет.

И не заснёт.

Нельзя спать.

И тут она опять заснула.

Утро

После долгого дождя день бывает душистый. Ночью иногда побрызжет дождик, а потом приходит ароматное утро. Воздух спокойный и ясный — с холмов видно далеко вокруг. А уж если льёт семь дней и семь ночей, а утром вдруг перестаёт, такой день ещё лучше, особенно если каникулы. В саду за домом просыхают листья деревьев и сабельки травы, дорожки блестят, и лужи поджидают детей. С утра распогодилось, теплым-тепло, облака рассеиваются, и всё так хорошо пахнет — даже грязь в саду пахнет свежестью.

Именно в такой день и проснулась Аделка, в такую среду — именно этот день она и не забудет никогда.

Сначала в её сон вкрался отцовский голос. Открыв глаза, она увидела, что лежит в своей постели, вокруг неё день, а над ней склоняется отец и тихо говорит:

— У нас появился малыш, Яничек, вот мы его и дождались!

У Аделки стало легко на душе — сперва чуть полегче, а потом совсем легко. Сначала оттого, что она уже не одна в доме, а потом от радости, что у неё родился брат Яничек, которого они так ждали.

А отец склонялся над ней, и Аделке казалось, что её греют отовсюду тёплые клубочки из пухового одеяльца, но тут она обнаружила, что одеяло лежит на полу. Значит, что-то другое грело её. Ей не было холодно ни капельки.

Отец взял её на руки. Уже давно он не носил её так. Но тут ей пришло в голову, что, наверное, это отец перенёс её из кухни в постель. А иначе как могла Аделка оказаться в ней? Она вспомнила: ведь я только присела к столу отдохнуть немножко и дожждаться утра — конечно, это папа меня перенёс.

А потом она вспомнила, что сказал ей отец.

У неё есть брат!

Яничек!

А она-то боялась, оставшись одна, и не знала, во что превратить свой ночной страх.

А он сам превратился — превратился в маленького Яничка!

Душистый день после дождя

Отец понёс Аделку на кухню. Она прислонилась головой к его широкому плечу и повторяла про себя: «Мой страх совсем исчез, зато появился брат».

Тут начали бить настенные часы, а к ним присоединились колокола на башне, был полдень — так долго она ещё никогда не спала. Отец сказал, что обедать они пойдут в самый лучший ресторан. Аделка решила: как только вернусь из самого лучшего ресторана, возьму ложку, пойду в кладовку, наберу повидла и съем. А потом ещё раз. И ещё раз.

С отцовского плеча она посмотрела через окно в сад: с черешни тихо, как лист, скользнула птица. Аделка улыбнулась.

Потом снова улыбнулась и снова сказала себе: «У меня есть брат, больше я не буду одна — а кто не бывает один, как я была, тому нечего бояться».

Аделке захотелось сказать что-нибудь смешное, и она сказала: — Папа, ты моё дерево, а я твоя черешня.

Смеясь, отец поднял её вверх, Аделка глубоко вдохнула — какой он был душистый, этот воздух!

Оглавление

Дождь	2
Часы	3
Брат	6
Кино	—
Страх	7
Смородина	11
Открытие	12
Пёрышки	13
Двери	14
Слёзы	17
Тень	18
Мама	20
Утро	21
Душистый день после дождя	23

Литературно-художественное издание

Для дошкольного возраста

Душек Душан

ДУШИСТЫЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ДОЛГОГО ДОЖДЯ

Рассказ

Ответственный редактор Н. А. Терехова

Художественный редактор Т. Ю. Никитина

Технический редактор И. С. Круглова

Корректор Л. В. Савельева

ИБ № 11080

Сдано в набор 17.11.89. Подписано к печати 12.02.90. Формат 84 X 108/16. Бум. высоко-худож. ГДР. Шрифт таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,52. Усл. кр.-отт. 11,76. Уч.-изд. л. 2,12. Тираж 250 000 экз. Заказ № 1547. Цена 40 к.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720. Москва. Центр. М. Черкасский пер., 1.

Орден Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Госкомиздата РСФСР. 127018. Москва. Суцевский вал. 48.

«Младые лета» Братислава
«Детская литература» Москва
«Отечество» София
«Ференц Мора» Будапешт
«Киндербухерлаг» Берлин
«Альбатрос» Прага
«Младинска книга» Люблина
«Наша ксенгария» Варшава

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»